

Василий Заботин

МЕДИЦИНА
и
ПОЛИЦИЯ

Москва

2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)
312

Заботин В.

312 Медицина и полиция / Василий Заботин. – М.: Книга по Требованию, 2014. – 190 с.

ISBN: 978-5-519-01711-4

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения автора. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Формат: 148x210 мм.
Гарнитура: «Times New Roman».
Печать цифровая.

ISBN: 978-5-519-01711-4

© В. Заботин, 2014
© Lennex Corp., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Писарчуки, медкатавасия и брандспойт	6
Чудик	15
Полицейский казус, людоедство и крохотулечная прибавка в Пенсионный Фонд	19
Патрет	26
Прием у префекта	36
Семейная идиллия или кайф над кипящей лавой	40
Монолог гопницы или чистая любовь	46
А дорога дальше мчится	49
Проходная история полицейской обыденности	53
Жили – были	60
Опереточный сонет	66
Надежда	71
Тюльпанчики – розочки, баранчики – козочки	76
Персистирующая философия	81
Америка моей мечты	85
Ориентир с проекцией на земное счастье	89
Эпизод	93
Тайна следствия	95
Встречи в ресторане	97
Прием ППС	100
Сограждане – соседи	103
Роман – притча о стремлениях к лучшему	106

От Автора

Названия этих, слегка подкорректированных под художественную прозу, историй, говорят за себя так, что честнее и правдивее не скажешь...

А только пожелаешь от всего сердца и души – никогда не подпадать ни в полицейские, ни в медицинские тиски и сети...

А если уж так или иначе попадешь, то не ждать милости и сострадания, справедливости и человеколюбия, а из самых своих последних сил и возможностей выворачиваться из них как придется: лишь бы только остаться живыми...

Невзирая на неизбежные, тягостные для здоровья и жизни, – потери.

И уповая при этом на бесконечную милость Всевышнего...

Начинается эта подборка художественной прозы медбылью про медицину, а кончается современным полицейским романом...

И автору ничего иного не хотелось бы, как только чтобы на жизненном пути его читателей встретились бы исключения из прописанных в этой книжке правил.

В виде ниспосланных в лечебном процессе: пусть не выздоровления, но хотя бы улучшения. А не ухудшения и смерти.

А в правовом поле, по которому дано шагать, – прогибание перед Уголовным Кодексом преградивших твой путь полицейских сил.

И, как ни парадоксально это может показаться, – стеснительным смущением перед Российской Конституцией...

Режиссерский план-раскладка сверхзадачи фабулы всей нижеследующей художественно обработанной прозы впрессован в слоган: «Бессилье гнева клянем, рыдая, в тоску впадая, душой страдая...»

Писарчуки, медкатавасия и брендспойт

Эту новеллу автор, – сам в прошлом медписарчук, посвящает сразу всем медписарчукам нашего, так называемого, здравоохранения

Я – потомственный московский медик.

У меня дед был известный московский гомеопат, отец – хирург, мама – гинеколог, дядя – дерматовенеролог...

И я, по их стопам («папа – рижий, мама – рижий, рижий я и сам. Весь семья моя покрыта рижим волосам») – тоже закончил медвуз и подался в эндокринологи...

Веду прием в заурядной, ничем особым не привлекательной для медицинской работы, районной поликлинике...

Эндокринология у нас, врачей, считается одной из узких медицинских специальностей. Как, например, оториноларингология, невропатология или психиатрия...

В эндокринологи я пошел потому, что с самого раннего детства страдал ожирением. Маму это всегда очень огорчало: и в кого только я такой уродился? И папа, и мама, и дедушка, вроде бы все были нормального человеческого телосложения. А дядя Сеня, дерматовенеролог, – и вовсе был сухонький и щупленький...

И в период моего зачатия, и перед ним, папа не злоупотреблял алкоголем. И оба моих родителя всегда старательно избегали геномодифицированных пищевых продуктов...

А вот – на тебе: у меня ни с того, ни с сего, – почти что адипозо-генитальное ожирение!

В медицинском Университете, начитавшись урологических учебников и наслушавшись эндокринологических лекций, в общем туалете я всегда с ходу давал, на виду у всех ребят, – мощную мочевую струю в унитаз (но не в писсуар, чтобы не обмочиться ответными брызгами)...

Поэтому студенты сразу прозвали меня – «Брандсбой» – производным словом-понятием: от пожарного бранспойта, из которого в бушующее пламя пожарные заливают воду тоннами...

Но самое обидное для меня в медуниверситете было, – когда не только студенты, но и студентки тоже, – на вопросы: «А какая это группа?» – отвечали: «А это та, где Брандсбой!»...

Уж лучше бы дразнили, как в самом раннем детстве: «Жиртрест, промсосиска – мясокомбинат...»

И, сказать по правде, – с коитусом у меня всегда было неладно: бабы, которых я в своей молодой жизни трахал, – все были мною недовольны. И, как правило, не я их бросал, а они сами меня бросали по известному женскому сексуальному принципу: «На окошке два цветочка: голубой да аленький, ни когда не променяю большой хубуйдуй на маленький!»...

И все-то им, сексуально-продвинутым сучкам-самкам, мало! Все им, прихехешкам, – больше подавай!..

И денег у нормального мужика мало, и подарки он всегда не достаточно дорогие и не хорошие дарит! А что же ты тогда, стерва, на передок озабоченная, ко мне в постель бегаешь?

Нет! Недостаточно научили меня в моем медицинском Университете (раньше это был «Второй мед»)! Надо теперь дальше самому разбираться: что – к чему...

Ну там – медбиблиотека, интернет, разная другая лабуда...

Да где время рядовому доктору взять? Как из нагрузки своей повседневной выкроить?

В одной медписанине, как в вонючей болотной трясине захлебнешься, и, как худосочная лягушка, – подохнешь!..

Опять же: эндокринолог я в нашей поликлинике один: все экономит медицинское начальство, все выгадывает. Все на дерьме сметану снимает!..

Так что проконсультироваться мне по моему специфическому вопросу – не с кем. А обязательных курсов врачебного усовершенствования ждать – так, что называется, – опупеешь: еще целых пять лет надеяться и дожидаться...

И загнала, таким образом, меня моя врачебная судьба – в узкий линейный коридор (как экспериментальную, для медицинских опытов над ней, – белую Вистаровскую крысу) – прямо в стандартизированные и тиражированные медписарчуки...

И нет назад, – в Страну чистых, прозрачных, идеализмом запитанных, медгрез, мне, сердечному, уже никакого ходу!..

Как в народе у нас говорят: «За-гре-бла, замучила – погода сероватая...»

В слове «загребла» буква «Г» подразумевает – грезы, а буква «Р» – радость. Поэтому их можно вообще не принимать во внимание. Что простые, малообразованные люди, кстати сказать, в слоганах и – делают...

Ну, а если не печалиться («Не надо печалиться – вся жизнь впереди, вся жизнь впереди, надейся и жди») – не депрессировать и не грустить («Любо, братцы, любо! Любо, братцы жить! С нашим атаманом не приходится тужить!») – то тот – да: полный ажур без сучка и без задоринки. Сиди себе, писарчучук, Иванушка-дурачок, – на своем врачебном приеме, да пациентиков надоедливых по шерсточке – лизоблюдом, пог-

лаживай: «Чего изволите? Мы это вам с нашим большим удовольствием!»...

И я, как все поликлинические врачи, не очень-то терзаемый подобными мыслями и соображениями, полностью вошел в свой врачебный узкопрофильный режим и так к нему приспособился, что лучше и не надо ничего придумывать...

Вообще-то в практической врачебной жизни всегда есть хитрые лазейки, и даже широкие пути, – как не пахать всю дорогу, – подобно рабочему коню («Житье у них было плохое – почти вся деревня вскачь пахала одного сохой на паре заезженных кляч. Каких уж тут ждать изобилий? Была бы душа жива» Сергей Есенин. «Анна Снегина»), – а в свое удовольствие халтурить, уходя в пустопорожнее времяпровождение. Оно же – и релаксация...

Предки, на мое счастье, снабдили меня умом аналитического склада, который всегда помогал мне по моей жизни выходить из разных сложных ситуаций и даже – провалов...

Я, с ходу столкнувшись с поликлинической рутинной, сразу разложил все по полочкам: государство платить врачам нищенскую зарплату, за которую честно работают только придурки и простофили... У нас всех, в нашей врачебной жизни, – сплошная бюрократия. И в поликлинической медицине – особенно. Бумаготворчество (записи в амбулаторные формализованные карты, писульки различных направлений на консультации, анализы, аппаратные обследования, отчетные бланки, статталоны и куча другой бумажной макулатуры) – полностью запрессовывает расчетное время врачебного приема, моделируя его в комбинацию из трех пальцев врачебной руки – прямо в морду больному: «На-кось! Выкуси!»...

Это фактическое медицинское вредительство всячески насаждается и приветствуется всеми самыми высшими вра-

чебными инстанциями, начиная с начальников Департаментов Здравоохранения, и кончая самими медицинскими Министрами...

Чехарда которых (Пурабовы, Поликовы, Скворешниковы) – множится как устойчивая к прополке – сорная трава...

И подо всем этим паразитическим сорным покровом, и подо всеми этими чиновными начальниками: в медицине нашей, обобранной ими и загаженной, копошимся-ползаем мы – низовики, врачешки-рядовые и ничтожные. Которым тоже как-то надо жить и держаться на плаву...

И вырабатывается у нас иммунитет к чиновничьему медпрессингу, с которым начальство ничего сделать не может...

И будет в этой нашей тотальной медицинской катавасии – нетленный, крылатый как социнтернационал, лозунг – основополагающий зонт: «Я работать не хочу ни в малейшей дозе! Я не трактор, я не плуг, я вам – не бульдозер!»...

И насильно навязанный поликлиническим врачам – низовикам (и мне, в их числе, – тоже) господарями Пурабовыми, Поликовыми, Скворешниковыми и прочими медбонзами. Столичных медворотил – Бельцовских и разных Пучатниковых не берем: им не до врачебных низов. Им воровать и наживаться надо, Государство обирать – сценарий их повседневной работы выглядит, с небольшими вариациями, – примерно так.

В коридоре, перед дверью моего эндокринологического кабинета – безумная и плотная очередь раздраженных больных, долго ожидающих приема...

Очередная больная столбом стоит у двери, загораживая собою вход. Чтобы кто-нибудь не прошмыгнул вперед нее на прием к врачу...

Открывается дверь – один больной выходит, другая на его место заходит...